

Великій князь Николай Михайловичъ ¹⁾

Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ
Лебцельтерна.

Императоръ Александръ I въ Варшавѣ въ 1818 г.

Въ августъ мѣсяцъ 1816 года въ Петербургъ пріѣхалъ вновь назначенный австрійскій посланникъ Лебцельтернъ.

„Помните, что было въ Калишѣ? Вы говорили о своемъ возвращеніи въ Петербургъ какъ о несбыточной мечтѣ: вы то и дѣло повторяли: это невозможно! А вотъ вы и пріѣхали къ моему величайшему удовольствію!“ Этими словами Императоръ Александръ встрѣтилъ посланника, который былъ назначенъ въ Петербургъ по его настоянію.

Въ дальнѣйшей, довольно продолжительной аудіенціи, Государь высказалъ свое искреннее расположеніе къ императору Францу, говорилъ о необходимости державамъ дѣйствовать совместно, строго держась трактатовъ, и между прочимъ выразилъ увѣренность въ томъ, что союзъ Россіи и Австріи будетъ выгоденъ обѣимъ имперіямъ и что онъ долженъ быть положенъ въ основу русской политики.

„Вашъ императоръ знаетъ меня; онъ одинъ меня понимаетъ. Онъ знаетъ, что значитъ мое слово, и до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ вѣрить ему, я готовъ скорѣе погибнуть, чѣмъ обмануть его довѣріе“, говорилъ Государь.

И въ послѣдующихъ своихъ бесѣдахъ съ Лебцельтерномъ Государь неизмѣнно высказывалъ свою симпатію къ императору

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1913 г.

Францу и свою полную готовность притти ему на помощь, если бы таковая понадобилась; съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ, о приѣмѣ, который ему былъ оказанъ, и выражалъ желаніе еще разъ посѣтить столицу Австріи.

„Тотъ моментъ, когда я снова увижу Вѣну, будетъ лучшимъ моментомъ моей жизни“, говорилъ Государь, давая понять, что ему было бы пріятно, если бы предположенное на осень 1817 г. свиданіе монарховъ состоялось въ Вѣнѣ. На этомъ Александръ впрочемъ не настаивалъ, но онъ ни разу не сказалъ Лебцельтерну, что ему было бы пріятно принять монарховъ у себя; онъ повторилъ только, что подчинится рѣшенію Ихъ Величествъ.

„Я сдѣлаю все, что пожелаютъ Ихъ Величества; пусть они выберутъ мѣсто свиданія, я вполнѣ подчинюсь ихъ желанію“, говорилъ Государь.

Передавая эти слова, Лебцельтернъ присовокупляетъ: „императоръ несомненно желаетъ, чтобы свиданіе состоялось въ Вѣнѣ; онъ неоднократно давалъ мнѣ понять это. Онъ любитъ Вѣну, то и дѣло вспоминаетъ о развлеченіяхъ, которыя онъ тамъ имѣлъ; съ тѣхъ поръ въ своей столицѣ ему ничто не нравится, ничто не интересуется его. По возвращеніи изъ Вѣны онъ чувствуетъ какую-то пустоту и скуку“.

„Трудно повѣрить, писалъ Лебцельтернъ 20 (8) марта 1817 г., что, возвратясь въ Петербургъ послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, Императоръ до того былъ недоволенъ русскими, что онъ вздумалъ привлечь къ себѣ поляковъ, оказавъ имъ всякія милости. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ самымъ удивительнымъ образомъ выказалъ русскимъ свое неудовольствіе; день его пріѣзда былъ скорѣе днемъ печали, нежели днемъ народнаго торжества. Губернаторъ, по его приказанію, велѣлъ снять все приготовленное для иллюминаціи города, и Императоръ, никого не принявъ, проѣхалъ на Каменный островъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ Петербургѣ его не съумѣютъ оцѣнить такъ, какъ его цѣнили за границей, гдѣ ему воскурляли оиміамъ. Всѣ его помыслы были обращены къ Польшѣ. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ онъ увидѣлъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе недобросовѣстными донесеніями полиціи и тайныхъ шпіоновъ, что его русскіе подданные ожидали его возвращенія съ вѣтерпѣніемъ и были обижены столь холоднымъ его отношеніемъ... Въ это время Александромъ и были приняты тѣ благопріятныя полякамъ мѣры, прискорбныя послѣдствія которыхъ онъ теперь понимаетъ“.

Въ мартъ мѣсяцѣ 1818 года Императоръ Александръ Павловичъ отправился въ Варшаву на открытіе перваго польскаго сейма, гдѣ имъ была произнесена его знаменитая рѣчь, приведшая въ восторгъ поляковъ, но встрѣченная въ Россіи съ совершенно иными чувствами.

Среди блестящей свиты, окружавшей Государя въ Варшавѣ, находились принцъ Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій и состоявшій при немъ маіоръ графъ Кламъ-Мартиницъ, командированные въ Польшу австрійскимъ правительствомъ для присутствія на маневрахъ, которые должны были состояться во время пребыванія императора въ Варшавѣ.

Эти лица были выбраны Меттернихомъ съ его обычнымъ умѣніемъ; въ своихъ интереснѣйшихъ донесеніяхъ они сообщили ему не только свои заключенія относительно спеціальнаго предмета ихъ миссіи, но и сдѣлали весьма любопытные выводы изъ своихъ наблюденій.

Принцъ Гессенъ-Гомбургскій имѣлъ случай ежедневно видѣть Александра I на разводахъ, часто бесѣдовалъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, съ графомъ Каподистрія кн. Волконскимъ, Новосильцевымъ и съ представителями польскаго общества, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ партіямъ. Графу Кламъ-Мартиницъ также представился случай бесѣдовать съ самыми выдающимися лицами государевой свиты объ интереснѣйшихъ вопросахъ, касавшихся положенія Россіи и королевства Польскаго, взглядовъ и намѣреній императора и его отношенія къ Германіи и Австріи.

Александра I очень занималъ въ то время вопросъ о впечатлѣніи, которое произвела рѣчь, произнесенная имъ при открытіи сейма.

Въ самый день открытія, на парадѣ, Государь какъ будто хотѣлъ подготовить принца Гессенъ-Гомбургскаго къ тому, что онъ скажетъ, упомянувъ въ разговорѣ съ нимъ о своей склонности къ либеральнымъ идеямъ, „если только онѣ не вліяютъ разрушительно“. „Для этого ихъ надлежитъ проводить разумно и умѣренно, сказалъ Александръ; во всемъ слѣдуетъ соблюдать извѣстную систему и порядокъ, если хотятъ, чтобы дѣло было прочно“, и присовокупилъ, что онъ уполномочиваетъ принца освѣдомить о его взглядахъ императора Франца.

„На слѣдующій день послѣдовалъ и эпилогъ этого разговора“, доносилъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій.

„Императоръ спросилъ, уѣхалъ ли мой курьеръ и передалъ ли я высказанныя имъ вчера мысли?“ Когда я упомянулъ о

впечатлѣніи, произведенномъ его рѣчью на всѣхъ присутствующихъ, Государь сказалъ:

„Я этого не полагалъ; меня всегда стѣсняло выступать публично; и несмотря на мои лѣта это чувство осталось до сихъ поръ“.

„Когда я еще разъ упомянулъ о томъ, съ какимъ достоинствомъ была произнесена его рѣчь, Государю это видимо было очень пріятно, и онъ сказалъ:

„Что жъ дѣлать! Я никогда не выступалъ на подмосткахъ и никогда не былъ актеромъ“.

Болѣе всего интересовало Императора впечатлѣніе, произведенное его рѣчью въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Онъ внимательно прислушивался къ доходившимъ до него на этотъ счетъ слухамъ и часто возвращался къ этому вопросу въ своихъ разговорахъ съ австрійскими дипломатами.

Докладъ, сдѣланный пріѣхавшимъ изъ Берлина нашимъ посланникомъ Алопеусомъ о томъ, какъ была принята его рѣчь, очень ввволновалъ Государя; онъ старался объяснить себѣ, почему она вызвала такую тревогу, и говорилъ, что для него либеральныя установленія не могутъ быть опасны, такъ какъ противовѣсомъ имъ служить строгая дисциплина арміи, которая является надежнымъ орудіемъ въ его рукахъ.

„Въ Берлинѣ, также какъ и у васъ, и даже болѣе того, меня видимо плохо поняли“, сказалъ Государь принцу Гессенъ-Гомбургскому; пруссаки даже какъ будто мало грамотны. Одни находятъ, что я сказалъ слишкомъ много, другіе хотѣли бы большаго“.

Когда же принцъ Гессенъ-Гомбургскій замѣтилъ, какое вліяніе можетъ оказать на образъ мыслей Европы слишкомъ послѣшное и необдуманное истолкованіе его словъ, то Государь словесно поручилъ ему передать императору Францу, что онъ „отнюдь не думаетъ потворствовать ультра-либеральнымъ идеямъ, но онъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя итти противъ духа времени и предпочитаетъ взять инициативу на себя. Впрочемъ, онъ только сдержалъ данное полякамъ слово. Императоръ Францъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ и только съ этой оговоркой готовъ покровительствовать либеральнымъ идеямъ“.

Слухи о крутыхъ мѣрахъ, при помощи которыхъ были подавлены волненія, вспыхнувшія въ военныхъ поселеніяхъ, были въ явномъ противорѣчій съ либеральными идеями, высказанными въ Варшавѣ, и какъ будто подтверждали слова ве-

никаго князя Константина Павловича, который не заблуждался повидимому на счетъ истинныхъ взглядовъ своего брата, когда говорилъ принцу Гессенъ-Гомбургскому, что императоръ предоставилъ ему полную свободу примѣнять самыя крутыя мѣры:

„Будьте покойны“, говорилъ великій князь, „Императоръ держится тѣхъ же принциповъ; Императоръ не *филиантропъ*“.

Говоря о томъ, что онъ принимаетъ интересы Австріи близко къ сердцу, Александръ горячо возмущался попытками, которыя дѣлались нѣкоторыми лицами, чтобы посѣять раздоръ между нимъ и австрійскимъ императоромъ.

„Между нами не удастся посѣять раздора“, сказалъ однажды Государь, „мы насторожѣ; не скажу, чтобы не было людей недоброжелательныхъ, но это имъ не удастся; мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга и наши дальнѣйшія намѣренія“.

На слѣдующій день послѣ этого разговора Государь снова вернулся къ предмету столь его интересовавшему и негодовалъ на тѣхъ, кои стремились нарушить спокойствіе Европы. „Но это имъ не удастся,—повторилъ Государь еще разъ; добрые люди также сильны и когда они твердо слѣдуютъ тому, что признано ими за благо, Провидѣніе будетъ за нихъ и съ ними. Впрочемъ, судя по тому, что Имъ совершенно, Оно не захочетъ разрушить свое дѣло“.

„Скажите Императору, чтобы онъ вспомнилъ наши бесѣды,— у него хорошая память. Я все тотъ же, и таковымъ же останусь; всѣ усилія были пущены въ ходъ, чтобы разъединить насъ; но это не удастся. Что бы ни дѣлали, что бы ни говорили императору на мой счетъ, я убѣдительно прошу его не придавать этому вѣры. Я христіанинъ и я вѣренъ договору, который тѣсно связалъ насъ. Скажите императору, что у меня нѣтъ ни плановъ на будущее, ни заднихъ мыслей; я хочу только мира и сохраненія того, что нами наконецъ достигнуто. Я надѣюсь, что на меня не будетъ сдѣлано нападенія съ чьей-нибудь стороны, я этого не думаю и поэтому я буду въ мирѣ со всѣми“.

Представитель Австріи былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ, на которое онъ обращаетъ вниманіе въ своихъ донесеніяхъ, а именно на удивительную сдержанность, съ какою императоръ высказывалъ свое мнѣніе, когда рѣчь шла о другихъ державахъ, въ особенности о Германіи, какъ будто онъ „боялся скомпрометтировать себя“ или „какъ будто подозрѣвалъ, что, предлагая ему тотъ или иной вопросъ, у него хо-

тять что-либо вывѣдать“; зато говоря о польскихъ дѣлахъ, Императоръ, а за нимъ и его приближенные, не скупился на либеральныя идеи и были настроены „весьма конституціонно“.

Между прочимъ императоръ жаловался принцу Гессенъ-Гомбургскому на то, что русскіе мало религіозны, и приписывалъ это главнымъ образомъ вліянію женщинъ, говоря, что „какъ только женщины выйдутъ изъ своей сферы—быть украшеніемъ общества—ничего хорошаго изъ этого не выходитъ. Но это такъ продолжаться не можетъ“.

Хотя приближенные Александра избѣгали говорить съ иностранцами о переворотѣ, совершившемся въ то время въ душевномъ настроеніи Государя, но австрійскій уполномоченный говоритъ, что ему удалось изъ надежнаго источника узнать объ этомъ и что „великій князь Константинъ Павловичъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ прочемъ, отнесся съ величайшей почтительностью къ чувствамъ и взглядамъ своего августѣйшаго брата. Какъ на примѣръ указывали на то, что великій князь отзывался съ насмѣшкой и очень непочтительно о г-жѣ Криднеръ, до тѣхъ поръ пока ему не стало извѣстно объ истинномъ отношеніи къ ней Императора; но, узнавъ объ этомъ, онъ сталъ говорить объ ней совершенно въ другомъ тонѣ“.

Характеризуя личность Императора Александра, поскольку она выяснилась имъ во время ихъ короткаго пребыванія въ Варшавѣ, австрійскіе дипломаты приходятъ къ заключенію, что основной чертою его характера и главнымъ стимуломъ всѣхъ его дѣйствій было „огромное самолюбіе и тщеславіе“. „При всемъ своемъ умѣ, Александръ дѣлаетъ большую ошибку, писалъ Клямъ-Мартиницъ, выставляя напоказъ качества, которыя менѣе всего ему присущи и которыя находятся въ величайшемъ противорѣчій со всѣмъ его душевнымъ складомъ: онъ высказываетъ самыя либеральныя идеи, хочетъ окружить себя ореоломъ доброты и благоволенія, постоянно заботится о томъ, чтобы всѣ его поступки были отмѣчены человеколюбіемъ и заботой о благѣ народовъ, между тѣмъ какъ его тѣшить только сознаніе, что его власть ничѣмъ не ограничена; онъ никогда не откажется ни на іоту отъ этой самодержавной власти, точно также какъ онъ ревниво оберегаетъ свою славу и стремится имѣть преобладающее вліяніе въ Европѣ. Скромная роль, которую онъ приписываетъ себѣ и Россіи, нечто иное, какъ маска, скрывающая его тщеславіе, онъ любитъ Россію, онъ гордится ею и считаетъ себя ниспосланнымъ свыше, чтобы поставить ее на недосягаемую высоту; онъ гордится тѣмъ,

что имъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, и онъ весь проникнутъ мыслию идти дальше по этому пути.

„Въ отношеніи Россіи онъ деспотъ, въ отношеніи Европы—завоеватель; но онъ покорилъ ее не силою оружія, а силою своего ума и сердца. Онъ рѣшилъ дать Европѣ миръ—въ этомъ онъ видитъ свою славу; стремясь быть популярнымъ въ Европѣ, онъ связалъ себя клятвою обезпечить ей миръ, сдѣлавъ это вопросомъ своей совѣсти, но за этой лицемерной маской внимательный наблюдатель видитъ истину. Александръ хочетъ мира не ради самого мира и не ради тѣхъ благъ, какія онъ приноситъ; онъ преслѣдуетъ при этомъ самолюбивую цѣль: покой и благо Европы должны зависѣть отъ него, всѣ должны признавать, что миръ,—дѣло его рукъ, что онъ зависитъ отъ доброй воли Императора и можетъ быть нарушенъ, если онъ того пожелаетъ. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что при всей кажущейся добротѣ Александра, въ немъ есть извѣстная жесткость (Härte), которая проскальзываетъ въ его взглядѣ въ тѣ моменты, когда гнѣвъ искажаетъ черты его лица, коимъ онъ владѣетъ обыкновенно въ совершенствѣ“.

„Русскіе считаютъ всѣми признанное и неоспоримое вліяніе ихъ Императора на прочія державы, истиннымъ мѣриломъ его величія и наградою за всѣ усилія и жертвы, принесенныя ими за послѣдніе тяжелые годы. Александръ хорошо знаетъ свою страну и свой народъ и умѣетъ заставить ихъ самоотверженно служить себѣ; онъ знаетъ ихъ тщеславіе и любовь къ блеску, онъ знаетъ, что за орденъ и за мимолетное слово благоволенія они готовы сдѣлать все возможное; поэтому желая придать награду или отличію особое значеніе, онъ пускаетъ въ ходъ свойственную ему обольстительную любезность, проявляя при этомъ такую сердечность, что онъ кажется въ эту минуту не императоромъ, а любящимъ отцомъ и другомъ; зато когда онъ гнѣвенъ, передъ нимъ всѣ трепещутъ. Онъ прекрасно знаетъ что въ Россіи все исходитъ отъ него и что *общественное* положеніе человѣка опредѣляется тѣмъ, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ нему, и онъ умѣетъ этимъ пользоваться: онъ извлекаетъ человѣка изъ неизвѣстности, дѣлаетъ его своимъ любимцемъ, выдвигаетъ его и, воспитавъ въ своихъ принципахъ, дѣлаетъ его орудіемъ своей воли. Оскорбляя иной разъ людей съ положеніемъ и отличая въ то же время болѣе скромныхъ лицъ своей свиты, Александръ хочетъ этимъ показать, что не занимаемое мѣсто и не заслуги имѣютъ значеніе, а его прихоть, и общественное мнѣніе подчиняется этому“.

Годъ спустя послѣ того какъ эта характеристика была запечатлѣна въ донесеніяхъ принца Гессенъ-Гомбургскаго и графа Кламъ-Мартиница, Императоръ Александръ посѣтилъ снова Варшаву (въ октябрѣ 1819 г.), но этотъ разъ его отношеніе къ полякамъ и къ его собственнымъ либеральнымъ начинаніямъ было иное; въ его взглядахъ совершилась за это короткое время огромная перемѣна. Онъ относился теперь къ польскому вопросу болѣе чѣмъ холодно и былъ твердо убѣжденъ въ необходимости обуздать революціонный духъ, угрожавшій спокойствію Европы и проявившійся съ особенной силою въ Германіи. Что касается его отношенія къ союзнымъ монархамъ, въ этомъ его взгляды остались неизмѣнны. Въ тѣсномъ союзѣ монарховъ и въ ихъ взаимной поддержкѣ Александръ видѣлъ единственное средство избавить миръ отъ новыхъ потрясеній.

„Одно изъ лучшихъ проявленій нашего союза“, говорилъ Государь Лебцелтерну, бесѣдуя съ нимъ о положеніи Европы, „состоитъ въ томъ, что въ отношеніи принциповъ между нами нѣтъ разногласія, такъ какъ каждый изъ насъ желаетъ добра; что касается внѣшнихъ проявленій, каждый изъ насъ придерживается своего взгляда; эти формы обсуждаются откровенно и дружественно, и никто не старается настоять на преимуществѣ своего взгляда“.

Въ высокой степени интересны и характерны мысли, высказанныя Императоромъ Александромъ Лебцелтерну во время его вторичнаго пребыванія въ Варшавѣ, относительно управленія Польши въ либеральномъ духѣ, какъ его понималъ Александръ I при его измѣнившихся взглядахъ.

„Il y a une vérité dont on ne saurait jamais se séparer sans danger“, говорилъ Александръ; „с'est qu'à côté des principes constitutionnels ou libéraux qu'un Souverain croit devoir adopter envers son peuple, il doit s'établir des moyens de répressions proportionnés. Vous êtes à Varsovie, voyez comme les choses y marchent. J'ai cru devoir donner aux Polonais une constitution libérale, mais j'ai crée à côté des moyens de répression de nature à leur faire connaître qu'ils ne doivent pas s'abuser ni dépasser une certaine ligne. Par suite de mes opinions particulières, me regardant comme homme avant de me regarder comme Souverain, je dois à Dieu et à ma conscience de satisfaire aux droits de tous, mais, responsable de l'ordre public et de tout ce qui pourrait le déranger, je suis là, et au moindre excès, à la moindre exagération, le bras fort de l'autorité se fait sentir, *en cela mon frère*“

me seconde, à merveille. Pourquoi des citoyens, animés de l'amour de leur patrie, ne pourraient-ils pas se rassembler pour délibérer avec un esprit de douceur et de conciliation sur les besoins des peuples, pourquoi n'y pas amener cette indulgence nécessaire envers le prochain, puisque chacun est susceptible d'erreur, au lieu de s'invectiver et de donner le scandale de leurs passions déchaînées?"

„C'est pourquoi, il faut, je le répète, que l'autorité fasse sentir sa présence: à côté d'une concession, un nouveau moyen répressif, qui dise sans cesse à l'esprit égaré ou malveillant qu'il ne saurait impunément avancer un pas de plus. Voyez ce qui se passe ici, informez vous en, et vous vous convaincrez que mon principe mis en pratique est salutaire“.

„Il y a eu des étudiants en des coryphées de la secte, qui ont tenté de venir aussi faire leurs expériences ici. Eh bien, outre qu'il est défendu dans le Royaume d'en admettre avec leur absurde costume, ils ont été de suite saisis et jetés hors des frontières.“

„Il y a ici des gents inquiets comme ailleurs, mais *ils savent et ils apprendront encore* que, si je tâche de faire le bonheur du peuple, j'exige en revanche de l'ordre, de la soumission et de la tranquillité, et que rien n'alterera ma marche. Il y en a même qui seraient bien aises de nous désunir. Ces jours-ci, ils prétendaient savoir que des armements se faisaient en Autriche, et qu'ils ne pouvaient regarder que la Russie. Je leur ai répondu comme ils le méritaient, et j'ajoutai qu'unis d'amitié avec l'Empereur François, pénétré de vénération pour sa loyauté et ses vertus, se serais bien aise qu'il rétablît son armée et que je l'en avais souvent prié; que si l'armée autrichienne se présentait à la frontière russe, je rassemblerais la mienne, je ferais battre les caisses saluer des drapeaux et je la recevrais comme une armée de frères avec toute confiance et les honneurs militaires, tellement je suis convaincu que les sentiments de mon ami et allié ne sauraient être hostiles à mon égard“.

(Есть истина, отъ которой нельзя отступить безнаказанно: а именно: рядомъ съ конституціонными или либеральными принципами, которымъ монархъ считаетъ долгомъ слѣдовать по отношенію къ своему народу, имъ должны быть установлены соотвѣтственныя мѣры обузданія. Посмотрите, какъ идутъ дѣла въ Варшавѣ. Я считалъ нужнымъ дать полякамъ либеральную конституцію, но я установилъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры обузданія, которыя должны дать имъ понять, что имъ не слѣдуетъ

заблуждаться и переступить извѣстныя границы. Вслѣдствіе моихъ личныхъ взглядовъ, смотря на себя прежде всего какъ на человѣка, а не какъ на монарха, я обяванъ передъ Богомъ и своей совѣстью заботиться о правахъ каждаго, но, будучи отвѣтственъ за общественный порядокъ и за все то, что могло бы его нарушить, я исполню свой долгъ и при малѣйшемъ эксцессѣ, при малѣйшемъ увлеченіи, власть проявить свою силу; въ этомъ отношеніи, братъ является моимъ лучшимъ помощникомъ. („Этимъ все сказано, и эти слова—послѣдній штрихъ набросанной характерной картины“, замѣчаетъ Лебцельтернъ, передавая разговоръ Императора Александра).

„Отчего бы граждане, одушевленные любовью къ отечеству не могли собираться, чтобы обсуждать нужды народа въ мягкомъ примирительномъ духѣ, съ снисходительностью, подобающею по отношенію къ ближнему, такъ какъ всякій вѣдь можетъ ошибаться, вѣсто того чтобы поносить другъ друга и выказывать постыдное зрѣлище своихъ разнузданныхъ страстей?“

„Повторяю, необходимо, чтобы присутствіе власти давало себя чувствовать: рядомъ со всякой уступкой должно быть новое средство обузданія, которое постоянно говорило бы заблуждающемуся или злонамѣренному уму, что онъ не можетъ безнаказанно ни на шагъ переступить границы дозволеннаго. Присмотритесь къ тому, что здѣсь дѣлается, ознакомьтесь со всѣмъ и вы убѣдитесь въ томъ, что мой принципъ полевенъ на практикѣ.“

„Нѣкоторые студенты и вожаки партій сдѣлали попытку произвести и тутъ свои эксперименты. И что же, помимо того, что имъ было запрещено появляться въ предѣлахъ королевства въ ихъ нелѣпомъ одѣяніи, ихъ тотчасъ арестовали и выслали за границу“. (Государь не сказалъ мнѣ, добавляетъ Лебцельтернъ, что великій князь приказалъ предварительно обстричь ихъ подъ гребенку, какъ солдатъ).

„Тутъ, какъ и вездѣ, есть безпокойные люди, но *они знаютъ и они еще убѣдятся на дѣлѣ въ томъ*, что если я забочусь о благѣ народа, то я требую взаимнѣ, чтобы былъ порядокъ, покорность и спокойствіе, и что ничто не измѣнитъ моего на это взгляда. Есть люди, которые были бы очень рады разъединить насъ. На-дняхъ они утверждали, что Австрія вооружается, и что это направлено противъ Россіи. Я отвѣтилъ имъ, какъ они того заслуживаютъ, и прибавилъ, что связанный дружбою съ императоромъ Францомъ, проникнутый уваженіемъ